

Виленские адреса народного Песняра

Почти 700-летняя летопись Вильнюса – столицы современной Литвы – сохранила множество страниц, отражающих историческое прошлое белорусского народа. Среди них есть и те, что непосредственно касаются жизнеописания народного поэта Беларуси Якуба Коласа. Ведь именно в этом городе, который был центром белорусского национального движения и до конца 1939 года имел несколько иное название – Вильня, зажглась творческая звезда будущего классика. Он сам неоднократно туда приезжал, встречался со своими коллегами и друзьями, там наш Песняр какое-то время жил и работал. Когда, где и как это происходило, мы решили узнать, пройдясь по виленским адресам белорусского национального гения.

На встречу с «Нашай нівай»

Впервые Я. Колас посетил Вильню, скорее всего, в конце 1906 года. Незадолго до этого, уволенный за участие в нелегальном учительском съезде в Миколаевщине, он оказался в непростой жизненной ситуации. Отсутствие работы, полицейский надзор, уголовное расследование и вполне реальная перспектива оказаться за тюремной решеткой – все это угнетало будущего классика. Единственное, что тогда хоть как-то согревало душу, – стихи, которые, как грибы после обильного летнего дождя, появлялись из-под его пера и которые исправно печатали сначала первая легальная белорусскоязычная газета «Наша доля», а затем и ее преемница «Наша ніва».

Тем не менее творчество оставалось лишь увлечением и никак не содействовало материальному достатку. Молодой поэт жил у своего старшего брата-лесника в урочище Темные Ляды под Столбцами и чувствовал себя очень обязанным ему. Чтобы не быть обузой, он и решил ехать в Вильню. Рассчитывал, что его там уже хорошо знают, а значит, обязательно помогут. Особые надежды также возлагал Я. Колас и на тогдашнего редактора «Нашай нівы» Александра Власова, которого впоследствии называл своим духовным наставником. Ведь именно он предложил уволенному с работы учителю заняться творчеством на белорусском языке.

А предшествовал этому, по словам А. Власова, на первый взгляд рядовой случай. Летом 1906 года он в поезде повстречал необычную компанию. «Раптам уваліваецца лапцяватая грамада беларусаў з Нёмана. Заганалі платы ў Коўню, едуць назад, каб ізноў па Нёмане гнаць дрэва. Мяне тады распірала, як кажуць цяпер, ад агітацыі; разгаварыўся сора, чыггаў вершы Мацея Бурачка. Тады не было яшчэ ні Купалы, ні Коласа. Плытнікі з в. Мікалаеўшчыны. Гэта вёска дастаўляла не толькі «рачных ваўкоў», але і вучыцеляў народных, як м. Валожын рабіноў. Мне гавораць: «А ў нас адзін настаўнік смешна чытае па-нашаму».

Праз нейкі час быў у Менску з'езд вучыцеляў, на дачы на Камароўцы. На гэтым з'ездзе я спытаўся: «Хто тут з вас з Мікалаеўшчыны беларускія вершы фабрыкуе?» Выходзіць лабаценькі, з чорнай маладзенькай бародкай. Від у яго быў не саўсім забіты семінарскай трафарэтнай вучобай.

Я павёў гэтае жамчужнае зерне да Леаніда Канстанціноўскага (к другу. – С.Г.). Ветлівыя гаспадары, шыкарная вячэра. Мой вучыцель развярнуўся... Хлапец пераабразіўся, вочы яго ззялі, твар адухатварыўся. Мілагучныя рыфмы спявалі ў яго. Мы ўсе зразумелі, што перад намі – узыходзячая зорка беларускай паэзіі».

Позднее в письме к своему биографу Льву Клейнборту народный поэт вспоми-

Якуб Колас. 1907 год

нал, что, приехав после встречи в Минске с Власовым к брату в Темные Ляды, сразу же «принялся с жаром за стихи. Написал «Наш родны край» и подписался – Якуб Колас...». Затем у него один за другим появились стихи «Асенні вечар», «Беларусам», рассказ «Слабода»... «Матчына мова за руку павяла», – так охарактеризовал классик свое «пристрастие» к творчеству на родном языке.

Однако по приезде в Вильню надежды Я. Коласа не оправдались. В редакции «Нашай нівы», которая тогда размещалась в доме № 17 по улице Великая Погулянка (сейчас – J. Basanavičiaus), поэта встретили радушно, но не более того. Предоставить ему работу не было возможности – практически вся деятельность газеты осуществлялась патриотами белорусского национального возрождения на добровольной основе. И будущего классика, мягко говоря, попросили подождать до лучших времен, с чем он, впрочем, и согласился: погостив несколько дней в древней белорусской столице, Я. Колас возвратился в Темные Ляды... писать стихи, рассказы и корреспонденции для все той же «Нашай нівы».

В мае 1907 года поэт снова приезжает в Вильню и снова с надеждой устроиться на работу в редакцию газеты «Наша ніва». К тому времени издание немного окрепло финансово, и будущий классик был принят в его штат на должность заведующего литературным отделом. «Прыбыў у рэдакцыю да нас урэшце і Якуб Колас, – читаем воспоминания редактора газеты А. Власова. – Далі яму адпаведную работу. Прысылалі ў «Нашу Ніву» многа вершаў, расказаў, карэспандэнцыяў. Колас меў многа працы. З благіх вершаў рабіў добрыя, і местачковы вершаплёт, прачытаўшы свае вершы сваім знаёмым, дзвіўся разам з імі, якія пекныя вершы!»

За свою работу Я. Колас получал талоны на дешевые обеды и зарплату по 5 копеек в день. Ночевал же он там, где и работал – в редакции. Несмотря на такие спартанские условия, молодой поэт был полон творческих сил и жизненного задора. «Колас унёс многа гумару ў рэ-

дакцыю: чалавек ён быў жыццярадасны, у жыццё нашае «багемы» ўносіў у вольныя хвіліны многа вяселя», – вспоминал А. Власов.

Но «богемная» жизнь Я. Коласа была непродолжительной: поэт находился под надзором полиции и ему запрещалось жить в больших городах. В Вильне же он был нелегально, и это вскоре обнаружилось. Как отмечает в своих воспоминаниях друг и сват Я. Коласа писатель Янка Мавр, во второй половине июня «...ноччу паявіліся жандары з вобыскам. Адразу выявілася, што тут жыве нелегалыны. Хацелі было яго арыштаваць і выслаць дадому па этапу, але яму ўдалося выкруціцца абяцаннем, што ён заўтра выедзе».

Данное полицейским обещание Я. Колас, естественно, вынужден был сдерживать. Однако, возвратившись домой, он сделал все возможное, чтобы получить официальное разрешение на право своего нахождения в Вильне – в этом ему поспособствовал редактор газеты «Минское слово» по фамилии Шмит. И как только у него на руках оказался «листок благонадежности», Я. Колас направился, скажем так, в город своей мечты.

Ничто человеческое...

Снова в Вильне Я. Колас появился в самом начале сентября 1907-го и стал

Šiame pastate
1907 metais
gyveno ir dirbo
Baltarusių poetas
Jakubas Kolosas

У гэтым будынку
ў 1907 годзе
жыў і працаваў
народны паэт
Беларусі
Якуб Колас

▲ «Дом с атлантами», в котором располагалась редакция газеты «Наша ніва», и мемориальная доска в честь Я. Коласа, установленная на этом здании

работать на своей прежней должности. Редакция газеты «Наша ніва», сменившая за неполных 14 лет своего существования около десятка адресов, в то время располагалась в доме по улице Завальной, 30 – бывшем дворце графов Тышкевичей. Это выделяющееся своей архитектурой здание, массивный балкон которого удерживают фигуры двух атлантов, сохранилось до наших дней. Его современный адрес – перекресток улиц Рупімо и Траку.

На этот раз в Вильне Я. Колас прожил более четырех месяцев. Он успешно совмещал работу в «Нашай ніве» с литературным творчеством: его произведения под различными псевдонимами – «Дзядзька Карусь», «Тамаш Булава», «К. Альбуцкі», «Агарак», «К. Адзінокі», «Тарас Гушча» и др. – по-прежнему с завидным постоянством появляются на страницах газеты. При этом, как отмечает в своих воспоминаниях А. Власов, поэту ничто человеческое было не чуждо: «Помню, раз целую ночь працавалі ў рэдакцыі на рагу Завальной і Троіцкай у Вільні. Колас а гадзіне 3-й ночы кажа: «Вот бы выпіў гарэлкі!» – «На грошы і купі». Колас за поўгадзіны вярнуўся з цёмнай вуліцы і кажа: «Няма, усё зачынена! Тут і генерал не дастане!» Я пайшоў. Пытаюся ў гарадавога: «Калі ласка, дзе тут можна дастаць гарэлкі?» – «Ды вось у стоража № 58». Правда, это был, скорее всего, один-единственный такой случай. По крайней мере, о других подобных «похождениях» будущего классика в мемуарных записках бывшего редактора «Нашай нівы» не упоминается.

В Вильне Я. Колас познакомился с учащейся Виленского Мариинского высшего женского училища (по современным меркам института) Александрой Зотовой. Они впервые увиделись в начале лета 1907 года. Девушка зашла в редакцию газеты «Наша ніва» и встретила там «бледного, худого молодого человека с грустным взглядом». У них завязалась дружба, поэт неоднократно бывал в доме у Зотовых, где ему всегда были рады... Несмотря на полицейский запрет покидать Вильню, вместе с Александрой он ездил на Новый 1908 год в Санкт-Петербург,

где молодые люди провели четыре дня, вместе ходили по столичным театрам и музеям. По возвращении Я. Колас пишет в девичьем альбоме А. Зотовой лирическое стихотворение «Маленькая лазейка в собственную душу», а через некоторое время высылает ей свою фотографию с дарственной надписью на обороте «Милой Александре Георгиевне, Славному человеку, Владелице единственной души... на память от Якуба Коласа. Столпы Минской губ. 8 мая 1908 г.».

Однако чувства молодых людей в полной мере так и не разгорелись. Вмешались обстоятельства. 15 сентября того же 1908 года выездная сессия Виленской судебной палаты в Минске осудила поэта на три года тюремного заключения за проведение в Миколаевщине учительского съезда. А к тому времени молодая учительница Александра Зотова уже едет работать в Игуменское городское училище. Но переписка между ними продолжалась. Не раз девушка посещала Коласа-узника в минском остроге. И однажды сообщила: «Знаете, Якуб! Я выхожу замуж».

«Больно мне было тогда слышать эти слова. Она больше ко мне не приходила, и с тех пор я не видел ее», – писал позднее Я. Колас. Но они все же встретились через 45 лет, в августе 1954-го. Дверь кабинета народного поэта в здании Академии наук несмело приоткрыла пожилая женщина и быстро проговорила: «Я только посмотрю на вас и уйду. Узнаёте меня?» Константин Михайлович узнал ее сразу. А она разволновалась и тут же ушла. Да и он, растерявшись, не сумел произнести нужные слова, не попросил ее задержаться, чтобы поговорить. «Мне как-то стало даже грустно – так уходит время, так уносит и молодость, и свойственную ей красоту...» – написал поэт после неожиданной для него встречи.

Поэтический путеводитель

В казематах минского острога Я. Колас провел, как и определил суд, ровно три года. Это время, конечно же, было не лучшим периодом в его жизни. Тем не менее оно оказалось продуктивным в

литературном плане. Находясь в заключении, поэт не пал духом, а продолжал заниматься тем, что умел хорошо делать: сочинял стихи, писал рассказы, многие из которых затем появлялись «на свободе», на страницах той же «Нашай нівы» и некоторых других изданий.

Среди написанных Я. Коласом в тюремных застенках произведений есть и юмористический стихотворный рассказ, непосредственно касающийся Вильни, – «Як дзядзька ездзіў у Вільню і што ён там бачыў». Это довольно значительное по размеру произведение поэт создавал на протяжении марта – мая 1911 года. Оно основано на реальных событиях, на приключениях главного героя, прототипом которого стал близкий родственник классика – дядька Антося, отправившийся решать земельный вопрос в одном из расположенных в большом незнакомом городе банков. Позже на основании этого рассказа Я. Коласом созданы три раздела его гениальной поэмы «Новая зямля» – «Па дарозе ў Вільню», «Дзядзька ў Вільні» и «На Замкавай гары».

Белорусские исследователи Александр Белый и Андроник Антосян в свое время сделали попытку реконструировать маршрут главного героя «Новай зямлі» по Вильне. «Вандроўка Антося адбывалася недзе ў 1900–1901 гг., – отмечают они в эссе «Панамі будзеце, панамі! або Навошта дзядзька ездзіў у Вільню», опубликованном в 4-м номере журнала «Спадчына» за 2002 год. – Было б лагічна зрабіць выснову, што падзеі, апісаныя ў паэме, таксама адносяцца да гэтага перыяду. Аднак падарожжа «дзядзькі Антося» як літаратурнага героя, відавочна, адбывалася значна пазней. Так меркаваць дазваляе той факт, што сам Якуб Колас у Вільню, бадай, упершыню трапіў у канцы 1906 г., а наступны раз – у траўні 1907 г. Так, вядома, што паэтаў дзядзька быў добрым апавядальнікам, але гарадскія рэаліі Колас, праўдападобна, апісваў на падставе ўласнага досведу, ці, прынамсі, з улікам яго».

Исходя из этого, «Новую зямлю» вполне можно использовать в качестве поэтического путеводителя по Вильне начала

▲ Проспект Гедимина мало чем отличается от Георгиевского проспекта времени посещения его дядькой Антосям

прошлого века. Вот, например, как Я. Колас передает впечатления своего героя (а по сути свои), впервые ступившего на виленскую Привокзальную площадь:

Як выйшаў дзядзька наш з вакзала,
Яму аж моташна нейк стала:
Такое пекла – шум страшэнны,
Застой паветра і дух дрэнны;
Народ таўчэцца каля конкі,
Па бруку б'юць падковы звонка,
Грымяць павозкі, буды, колы,
Аж проста глушаць балаголы –
І гэта процьма ўсякіх зыкаў
Злілася ў гул адзін вялікі,
Дзе з непрывычкі вуху цяжка.

Как известно, основной целью дальней поездки дядьки Антося было получение в неназванном поэтом виленском земельном банке денежного займа под залог земли. Ему даже пришлось немного поволноваться в поисках нужного адреса:

Ідзе так дзядзька і па бруку
Адзін за дзесяць робіць груку.
А дзе ж той банк? – карціць пытанне,
Так правандруеш да змяркання,
А сам туды не пападзеш
І толькі дзень дарма звяззеш.

В описываемое время в Вильне существовало несколько учреждений,

которые можно назвать «земельным банкам». Все они располагались в зданиях, которые и сейчас стоят друг против друга на главной транспортной артерии города – бывшем Георгиевском проспекте, носящем ныне имя князя Гедимина (Gedimino). Самый старый из тогдашних земельных банков Вильни так и назывался: Виленский земельный банк. Вместе с ним в доме, построенном в конце XIX века в стиле неоклассицизма, достаточно долго снимал помещения и Виленский частный коммерческий банк, ориентированный на кредитование торговли и промышленности. Оба банка имели широкие агентурную и клиентскую сети во всем Северо-Западном крае, преимущественно среди землевладельцев. Сегодня в здании прежних банков (Gedimino, 6) располагается Национальный банк Литвы.

Но целью путешествия дяди Коласа, как полагают А. Белый и А. Антонян, все же было другое здание – теперь главный офис Литовского почтового ведомства (Gedimino, 7), а более века назад – Виленское отделение Государственного дворянского земельного банка, с которым также

сосуществовало Виленско-Ковенское отделение Крестьянского поземельного банка.

После злоключений дядьки Антося в банке Я. Колас ведет своего героя, успевшего познакомиться с человеком, который «Грышкам Верасам назваўся», по главной улице Вильни. Они шли по сегодняшнему проспекту Гедимина в сторону Кафедральной площади, где перед ними предстала одна из главных достопримечательностей – Замковая гора с башней Гедимина:

Зірні, зірні: гара якая!
На ёй і будка цагляная...
Ото б адтуль зірнуць на горад! –
Забывўся дзядзька і пра голад
І падбівае сябра Грышку
Ўзысці на тую гару-вышку.

Друзьям удалось подняться на гору, и перед взором Антося открылся дивный вид:

Агромны горад, цесна збіты,
Ўвесь бляскам сонейка заліты...
Налева, між гор крутабокiх,
У берагах сваiх высокiх,
Па камянях, бы тая змейка,
Вілася шумная Вілейка...
А справа ўніз свабодным махам
Лягла другая рэчка шляхам,
Як бы сталёвая пружына...
А між высокiх дамоў-градак,
Свой пэўны маючы парадак,
Віліся вулачкі так-гэтак
Густою тканню цёмных клетак.
Ўгары, высока над дамамі,
Пазалачонымі крыжамі
Блішчалі цэрквы і касцёлы,
Узняўшысь к небу галавамі,
На сонцы ззяючы вярхамі.

На Замковой горе, по сути дела, и завершается путешествие дядьки Антося по Вильне, которое так увлекательно преподнес читателям «Новай зямлі» его талантливый племянник-поэт. Однако на этом не прекратились связи самого Я. Коласа с близким его душе и сердцу городом.

► Та самая «будка цагляная» – башня Гедимина на Замковой горе

Непонятный статус

После освобождения в 1911 году из минской тюрьмы поэт снова оказался на перепутье. Но на этот раз он долго не раздумывал. «Я пайшоў на вакзал і – проста ў Вільню», – делился воспоминаниями Я. Колас со своим помощником-секретарем Максимом Лужаниным. – Ехаў туды не з пустымі рукамі. Вёз тры сшыткі ў цыратовых вокладках. І ўсё з вершамі». Однако в городе, где по-прежнему выходила «Наша ніва», где было у него много знакомых и несколько друзей, будущему классику не было оказано должного внимания. Мягко говоря, его попросту отвергли. «Пабыўшы пасля вызвалення ў Вільні, 19 верасня я падаўся ў Смольню (усадыба недалёка от Миколаевщины, где жили родные поэта. – С.Г.) з пачуццём выкінутага з жыцця чалавека. Дзверы на работу замкнуты, падтрымкі няма, кожны агінаецца пры сустрэчы, каб самому не падпасці пад падазрэнне. Тут я і пачуў, нібыта трапіў у новае кола, нічым не лепшае за астрог», – так охарактеризовал поэт ситуацию, в которой он тогда оказался.

И все же через два года Я. Колас вернулся в Вильню. Вернулся не один, а с молодой женой Марией Каменской, с которой обвенчался в Пинске. Дело в том, что в пригороде Вильни Павильнисе мать суженой поэта построила дом для своей дочери. Туда на протяжении 1913–1915 годов периодически и особенно на время школьных каникул навещались супруги. В Павильнисе состоялась вторая встреча Я. Коласа с Я. Купалой. Отсюда поэт неоднократно отправлялся в гости к своему единомышленнику и будущему другу Я. Купале, который возглавлял «Нашу ніву». В Вильне он также встречался с издателями, договаривался с ними о печатании сборника прозы «Родныя з’явы».

Именно из Вильни, когда к ней в 1915 году стали приближаться войска кайзеровской Германии, Я. Колас со своими родными уехал в подмосковное село Стариково, после чего последовало его долгое, более чем в четверть столе-

тия, расставание с городом. Однако это не значит, что поэт вычеркнул Вильню из своего сердца. Он интересовался ее общественно-культурной жизнью, переживал за активистов белорусского национального движения, против которых власти Польши, в составе которой Вильня находилась практически все межвоенное время, чинили беспредел. Радовался каждому известию из этого города, особенно сообщениям о выходе в виленских издательствах своих книг...

Приветствовал Я. Колас и решение о вхождении Вильни в состав Белорусской ССР после завершения освободительного похода Красной армии в Западную Беларусь в сентябре 1939-го. И негодовал, когда город волонтаристским решением властей Советского Союза был передан 10 октября того же года Литве. «У Вільні спыніліся на 2 гадзіны... чаму яна ў літоўцаў – гістарычнае непаразуменне...» – такое отношение к смене «национальности» Вильни высказал белорусский песняр в дневниковых записях.

Как вспоминает в своей книге «Пад бацькоўскім дахам» младший сын народного поэта Михась Мицкевич, у Я. Коласа «многа перажыванняў выклікала рашэнне савецкага ўрада аб перадачы Віленскага краю, калыскі беларускай культуры – горада Вільні – літоўцам. Гэта быў «велікадушны» жэст Сталіна – задобрыць акупаваную, згодна з дамовай з Гітлерам, Літву за кошт беларускіх земляў. Бацька быў добра знаёмы з этнаграфічнымі картамі акадэміка Карскага, з межамі пражывання беларусаў. У Вільні літоўцаў было не больш трох працэнтаў, а навакольныя вёскі населены беларусамі. Бацька парываўся выступіць з пратэстам, але Данік (старший сын Я. Коласа. – С.Г.) адгаварыў, разумеючы бессэнсоўнасць такой акцыі».

Главный парламентар

Как бы ни относился поэт к новому статусу Вильни, в мае 1941 года ему, можно сказать, по ответственному государственному заданию довелось посетить город, официальное название которого уже

было закреплено на литовский манер – Вильнюс. Согласно решению бюро Центрального комитета Коммунистической партии Беларуси он вместе с Я. Купалой, старшим научным сотрудником Института литературы и языка Академии наук БССР и «еще несколькими ответственными товарищами» под руководством секретаря ЦК КП(б)Б Тимофея Горбунова был командирован туда, как сказано в упомянутом решении, «для принятия и перевода Белорусского музея из гор. Вильнюса в г. Минск».

Виленский Белорусский музей – уникальное собрание белорусских национальных древностей. Идея его создания выкристаллизовалась у историка и известного белорусского общественного деятеля Ивана Луцкевича, который в 1911 году в программной статье, опубликованной в газете «Наша ніва», бросил клич «Збірайце рэчы ў беларускі музэй». Инициативу коллеги поддержал Вацлав Ластовский, который в 1912–1915 годах периодически публиковал в «Нашай ніве» объявления одного и того же содержания: «Купляю ўсякіе старасьвецкія рэчы: абразы, гравюры, мініацюры, рукапісы і кніжкі XV і XVI в.; порцэляну, шкло, тканіны. В. Ластоўскі. Завальная вуліца № 7. Беларуская кнігарня». На основе собранных материалов музей открыли в 1921 году, ему было присвоено имя к тому времени умершего И. Луцкевича. В пяти выставочных залах демонстрировались более десятка уникальных коллекций: археологическая, нумизматическая (монеты, медали и ордена), старинных одежд, древнего оружия, рукописей и книг, церковной утвари и икон, картин, музыкальных инструментов, произведений резьбы из различных материалов и др. Согласно инвентаризации 1941 года, музей насчитывал 13 450 единиц хранения, а его библиотека – порядка 14 тысяч рукописей и старопечатных книг, среди которых, в частности, находились часть так называемой пражской Библии Ф. Скорины, экземпляры Статута Велико-го Княжества Литовского, Новогрудское Евангелие XVI века, первая грамматика арабского языка «Аль-Китаб» и другие

редкие издания и исторические документы XVI – начала XX века. Располагался Белорусский музей имени И. Луцкевича в историческом центре Вильни, недалеко от Острой браны – в стенах Базилианского монастыря (Aušros Vartų, 7a).

Вскоре после передачи Вильни Литве в научных, литературных и общественных кругах Беларуси стал муссироваться вопрос о переводе музея в столицу БССР. Для него, как сообщал Я. Колас в письме от 3 июня 1941 года своему давнему знакомому А. Усу, готовили в Минске старое здание ЦК КП(б)Б, которое располагалось на углу К. Маркса и Красноармейской – в годы Великой Отечественной войны оно было разрушено, на его месте в послевоенное время был возведен нынешний Республиканский дом молодежи. Поскольку Я. Колас и Я. Купала начинали свой литературный путь в Вильне и имели большой вес в культурных кругах Литвы, их и направили «за музеем» в качестве главных парламентариев.

Белорусская делегация приехала в Вильнюс 15 мая 1941 года и находилась там на протяжении пяти дней. За это время Я. Колас и его коллеги провели несколько встреч с общественностью города непосредственно в Белорусском музее имени И. Луцкевича, Вильнюсской белорусской гимназии, а также в Академии наук Литовской ССР, где общались с литовскими поэтами Пятрасом Цвиркой, Людасом Гирой, писателями Винцасом Миколайтисом-Путинасом и Альбинасом Жукаускасом.

Но главная встреча Я. Коласа, Я. Купалы и Т. Горбунова состоялась с влиятельными представителями научного и культурного сообщества Вильнюса братьями Биржишками: Миколасом – ректором Вильнюсского университета, Вацловасом – директором университетской библиотеки и Викторасом – профессором математики. От их мнения зависело многое в вопросе принятия литовской стороной окончательного решения о переводе Белорусского музея в Минск. Но они вежливо отказали, добавив при этом: берите, что хотите, но ни пяди литовской земли

не отдадим. На что, как свидетельствует Т. Горбунов в своих воспоминаниях о той поездке в Вильнюс, Я. Колас заявил: «Пядзю зямлі віленскай я магу ў Мінск і ў торбе завезці. Тым больш, што зямля віленская таксама родная беларусам...».

По итогам поездки Я. Коласа и его сотоварищей в Вильнюс окончательного решения о судьбе Белорусского музея принято не было. Переговоры об этом продолжались на разных уровнях до самой войны. К этому вопросу вернулись после освобождения Литвы от немецко-фашистских захватчиков. Но как? 19 ноября 1944 года Совет народных комиссаров Литовской ССР создал ликвидационную комиссию, в итоге музей расформировали, а его последнего директора Янку Шутовича репрессировали.

В январе 1945 года ТАСС распространил небольшую информацию под заголовком «Дар белорусскому народу»: «ВИЛЬНЮС. Правительство Литовской ССР решило передать в дар белорусскому народу богатейшую коллекцию музейных экспонатов Вильнюсского белорусского музея. Музейным работникам удалось уберечь от расхищения немецкими захватчиками до 20 тысяч экспонатов и столько же книг, иллюстрирующих развитие экономики и культуры. Большую ценность представляют произведения народных резчиков по дереву, белорусские народные музыкальные инструменты, старинные рукописи, рукописи и первые издания произведений белорусских писателей». Это сообщение явно опережало время, потому что эпопея с переводом музея еще продолжалась, и это – тема для отдельного разговора. Сейчас же отметим, что собранные белорусскими национальными деятелями экспонаты в итоге были разделены между Вильнюсом и Минском. Сегодня «белорусская» часть музейного собрания находится в фондах Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, в Национальном историческом архиве и некоторых других научных учреждениях.

Что же осталось от Белорусского музея имени И. Луцкевича в Вильнюсе? Предметы искусства оказались в Литовском

▲ Так выглядел дом, построенный родственниками жены Я. Коласа. Литография белорусского художника М. Купавы. 1986 год

национальном музее, рукописи, подшивки газет – в Библиотеке Академии наук Литвы, где в 1945 году был создан специальный Вильнюсский белорусский фонд № 21 с материалами периода XVI века – 1944 года, куда попали рукописи Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, М. Танка, З. Бядули, рукопись «Аль-Китаб» на старобелорусском языке, книга «Числа» из изданной в Праге Ф. Скориной Библии, документы из архивов Радзивиллов, Сапег, Мамоничей и ряд законодательных актов эпохи Великого Княжества Литовского...

Еще одна музейная эпопея

Интересна эпопея и с еще одним «белорусским музеем» в Вильнюсе – несостоявшимся Литературным музеем Якуба Коласа. Как мы уже отмечали, на протяжении 1913–1915 годов будущий классик неоднократно посещал Павильнис, где находился дом, принадлежащий его жене Марии Каменской. После того как семья Я. Коласа вернулась из эвакуации и поселилась в Минске, этот особняк перешел в собственность шурина поэта Ивана Каменского. Вскоре после смерти классика между министерствами культуры Литвы и Беларуси было достигнуто соглашение о создании в Вильнюсе му-

зея Я. Коласа. В августе 1960 года вышло соответствующее постановление Совета Министров Литовской ССР. Идею горячо поддержал и И. Каменский, который согласился передать под будущий музей свое жилье и кое-какие мемориальные вещи. Согласно правительственному решению планировалось за два года провести в доме Каменских ремонтно-реставрационные работы и в 1962 году, к 80-летию со дня рождения белорусского песняра, открыть музей.

Но перед началом работ сделали экспертный анализ общего состояния здания, и сотрудники инспекции по охране древесины обнаружили сильное заражение грибком. Поэтому было принято решение дом снести, а на его месте построить идентичный. Пока строение разбирали, пока разрабатывали и согласовывали проект нового здания, ушло много времени. В итоге к юбилейной Коласовской дате смогли лишь открыть в Павильнисском филиале Центральной библиотеки Вильнюсского городского совета мемориальную комнату Якуба Коласа. И, как впоследствии оказалось, это было единственное мероприятие, связанное с увековечением памяти белорусского поэта в Вильнюсе.

Коласовская мемориальная комната просуществовала до середины 1980-х годов и была закрыта после ликвидации библиотеки, в здании которой и располагалась. В 1989 году в Вильнюсе белорусы, живущие в Литве, создали Таварыства беларускай культуры и ходатайствовали перед властями литовской столицы о восстановлении дома Каменских с целью открытия в нем Литературного музея Я. Коласа. Тогда еще были целы фундаменты старого здания и существовала надежда на то, что решение Совмина Литовской ССР от 1960 года будет все-таки выполнено. Но грянули 1990-е, произошел распад Советского Союза, Литва стала независимым государством... К 1998 году территория усадьбы Каменских уже была разделена между новыми хозяевами, которые ее застроили своими особняками.

И все же на этом не оборвалась нить памяти о пребывании Я. Коласа в Виль-

нюсе. О связях народного поэта Беларуси с литовской столицей можно узнать, заказав тематическую экскурсию в Вильнюсском литературном музее А. Пушкина, который действует в усадьбе Маркучяй (Markučiai), некогда принадлежавшей сыну и невестке великого русского поэта Григорию и Варваре (ныне располагается по улице Субачяус (Subačiaus)). В 1935 году В. Пушкина завещала свой дом Вильнюсскому русскому обществу, поручая ему сохранять в этой усадьбе память о своем родственнике. В 1939 году дом был национализирован новыми властями Литвы и в нем начали создавать Пушкинский музей, но открылся он лишь в 1948 году. Кстати, первым его директором был земляк Я. Коласа, уроженец Столбцовщины Владислав Павлюковский, известный еще и как поэт Влад Иницикий.

Именно в этом музее сейчас хранятся экспонаты, в том числе и мемориальные вещи семьи Каменских – настенные часы, книжный шкаф, икона Казанской Божьей Матери, подсвечники, копилка и другое из бывшей мемориальной комнаты Я. Коласа в Павильнисском филиале Центральной библиотеки Вильнюсского городского совета. Периодически, благодаря сотрудничеству с Государственным литературно-мемориальным музеем Я. Коласа в Минске, здесь организуются тематические выставки, посвященные творчеству белорусского песняра. Так, в прошлом году в рамках Дней культуры Республики Беларусь в Литве проходила выставка «Дзядзька ў Вільні» по мотивам поэмы Я. Коласа «Новая зямля», а в нынешнем – «Якуб Колас і Вільня». Также в 2017 году, в рамках мероприятий празднования 135-летия со дня рождения Я. Коласа, на доме по бывшей улице Завальной, 30, где, как помним, находилась редакция газеты «Наша ніва», была установлена мемориальная доска в его честь. И хочется надеяться, что это была не разовая акция по увековечению в Вильнюсе памяти о Якубе Коласе.

Сергей ГОЛОВКО

Минск – Вильнюс – Минск

Фото автора ▀